

полития

Я.А.Бахметьев

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ НАЦИОНАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: глобализация, национализм, национальное государство

¹ Тойнби 2010:
113—148.

² См. Хантингтон
2003.

³ Filippov 2014: 11.

⁴ Хелд и др. 2004:
386—387.

⁵ См., напр. Kirby
2009; Samuels
2010.

Вслед за фиксацией «закономерности вызова и ответа» Арнольдом Тойнби¹ и «столкновения цивилизаций» Самюэлем Хантингтоном² в социальных и экономических науках обозначилось направление, рассматривающее процесс интеграции в качестве ключевого вызова цивилизациям современности. Вне зависимости от основ глобализации — традиционных «цивилизационных» или новых синтетических — она характеризуется как угроза принимающим цивилизациям. Соприкосновение местного и глобального чаще всего описывается как наступление глобализации и оборона национального государства. Главным ответом (или оборонительной мерой) последнего выступает национализм. Как замечает Александр Филиппов, «баланса между национальным государством и глобализацией в реальности нет, при том что он есть в теории»³.

В обыденном (и не только) дискурсе понятия «национальное государство» и «глобализация» трактуются необоснованно однозначно, а если и категоризируются, то совершенно произвольно (в соответствии с предполагаемым решением), что приводит к заведомому противопоставлению. Эта проблема была четко зафиксирована Дэвидом Хелдом и его коллегами, обратившими внимание на пристрастность большей части дискуссий: «Большинство [авторов] представляют себе мир, в котором глобальные потоки культуры должны противопоставляться потокам и институтам на национальном уровне. Хотя это занимает главное место в современных дискуссиях, при рассмотрении мира до возникновения национальных государств и национальных культур это мало что дает»⁴. Но последнее замечание в равной степени справедливо и по отношению к миру XXI в. с присущим ему сложным переплетением элементов модерна и постмодерна с элементами, не вписывающимися в эти рамки⁵: эвристический потенциал противопоставления глобализационных процессов и национальных государств в данном случае тоже невелик. Неудивительно, что за подобными рассуждениями чаще всего следует заключение о несовместимости глобализации и национальных государств (или, по крайней мере, о противоречии между ними). Однако само упорство в продвижении однозначной трактовки развора-

чивающихся процессов и упрощение анализа до монистической точки зрения наводят на диаметрально противоположную мысль: проблема носит более сложный и многозначный характер. Под проблемой я здесь понимаю не сам факт глобализации, а адекватное осмысление ее политического аспекта⁶.

⁶ См. Мусихин 2008: 36.

⁷ «...Мы видим в философском мышлении проблемы там, где их нет. И философия должна показывать, что там нет никаких проблем» (Wittgenstein 1984: 47).

Применительно к данной тематике отчетливо проявляются «языковые игры» науки: после осмысления большинством теоретиков проблема становится только запутаннее⁷. Ведь исследователи сами ввели понятия «национальное государство» и «глобализация» для обозначения суверенного актора мировой политики и интеграционных процессов, противопоставив их на концептуальном уровне, и теперь видят их противостояние в социальной реальности. Иными словами, *концептуальное упрощение на уровне теории обернулось спекулятивным анализом реальности*.

К постановке вопроса

Учитывая вышесказанное, представляется разумным вернуться в теоретические рамки и подвергнуть понятия концептуальному препарированию. Над «глобализацией» подобная операция иногда производится⁸, но при этом она неизменно оказывается в оппозиции некоему порядку, действующим системам. Глеб Мусихин указывает на бесполезность такого подхода: «источки современных проблем ищутся в глобализации, а не в том существующем, которому она якобы противостоит»⁹. И даже когда фокус анализа смещается в нужном направлении (на «оппонента» глобализации), он тоже задается изначально: «Теоретики глобализации бросились критиковать и осмыслять государство в условиях глобализации, совершенно не обращая внимания на то, что главная проблема современности — не государство в условиях глобализации, а демократия в условиях глобализации»¹⁰. Одним словом, важно не столько обозначить глобализацию как проблему или даже зафиксировать ее влияние на национальное государство, сколько обнаружить и проследить это влияние на политические аспекты национального государства. В соответствии с этим Мусихин видит главную задачу исследователей в теоретическом переосмыслении демократии, переформатированной в глобальном мире.

⁸ См., напр. Bartelson 2000.

⁹ Мусихин 2008: 31.

¹⁰ Там же: 32—33.

Фактор демократии, несомненно, важен при рассмотрении национального государства и нации, но интеграционные процессы вряд ли ставят под сомнение гражданское участие в политике, хотя они действительно дают повод для его трансформации. Гораздо менее очевидна связь с глобализацией другого аспекта наций — их ценностной (прежде всего культурной) основы. Как подчеркивают Хелд и его соавторы, «глобализация изменяет *контекст*, в котором происходит производство и воспроизводство национальных культур, меняет средства, с помощью которых это осуществляется, но ее конкретное влияние на характер и эффективность национальных культур — на власть и влияние их идей, ценностей и содержания — пока еще очень трудно определить»¹¹.

¹¹ Хелд и др. 2004: 387.

Поэтому в настоящей работе я сконцентрирую внимание на теоретическом переосмыслении национализма в условиях глобализации.

Вопросом о точках соприкосновения национализма и глобализации уже задавались некоторые исследователи, рассматривая его в исторической¹², социологической¹³, философской¹⁴ плоскостях. Однако поиск ответа на него успехом пока не увенчался. Как справедливо отметил Юрген Остерхаммель, «чтобы быть полезным для исторического анализа национализма, понятие „глобализация“ должно быть разбито на ряд менее масштабных концептов»¹⁵. Полностью разделяя это мнение, я вместе с тем считаю необходимым подвергнуть теоретической деконструкции оба понятия.

Таким образом, объектом моего исследования станут концептуальные основы национализма и глобализации с акцентом на элементах, которые влияют на ценности. Я поэтапно определюсь с рамками исследования, остановлюсь на концептуальных допущениях, дам обзор основных подходов к трактовке понятий «национализм» и «глобализация», приведу примеры соотнесения этих понятий и постараюсь выделить наиболее значимое для теоретического переосмысления национализма.

Главное онтологическое допущение состоит в том, что и «глобализация», и «национализм» суть концепты, выработанные исследователями и аналитиками для изучения и описания социальной реальности. Важность этого допущения проявляется при попытке спекулятивного проецирования полученных при анализе выводов на социальную реальность. Дело в том, что по мере своего развития на уровне политической теории оба рассматриваемых концепта параллельно обрастали профанными коннотациями и в итоге оказались настолько ценностно нагруженными, что, по сути, стали непригодными для объяснения реальных процессов. Как следствие, теоретические концепты по-прежнему позволяют понимать политические процессы, но уже не способны объяснять их: попытки объяснения неизбежно будут наталкиваться на упомянутые выше «языковые игры», которые у исследователей, аналитиков и журналистов разные. Скажем, национализм может интерпретироваться как психология, политика, идеология, социальная практика, доктрина или принцип¹⁶; при этом бессмысленно с точки зрения, например, теории политического национализма пытаться объяснить процессы, связанные с другими гранями реальности.

Поскольку в центре моего исследования находятся концепции, а не социальная реальность, я могу ограничиться рамками политической теории как субдисциплины без преобладающих методологических подходов¹⁷, дистанцировавшись от методов прикладных исследований. В качестве основного методологического приема мною будет использована концептуальная деконструкция в трактовке Джона Эллиса и Паулин Розенау¹⁸. В частности, я постараюсь следовать основным принципам деконструкции, выделенным Розенау, — избегать дихотомий, не принимать ничего за должное, учитывать максимально возможное

¹² См., напр. Osterhammel 2013.

¹³ См., напр. Мнацаканян 2008.

¹⁴ См., напр. Гранин 2011.

¹⁵ Osterhammel 2013: 695.

¹⁶ Мнацаканян 2008: 267.

¹⁷ Dryzek et al. 2008: 6.

¹⁸ Ellis 1990; Rosenau 1991.

число интерпретаций и смотреть на известные положения под иным углом зрения, дабы высветить их неочевидность.

**Концепции
национализма**

¹⁹ Бенедикт Андерсон очень точно поставил диагноз большинству современных исследователей национализма: «проблема кроется в бессознательной склонности сначала гипотезировать существование Национализма-с-заглавной-буквы, а затем классифицировать „его“ как некую идеологию»¹⁹. Поэтому в самом общем виде национализм может быть определен как система представлений нации о своих ценностях, месте в мире и пути развития, о взаимоотношениях с другими нациями, государствами и высшими силами. Однако Джон Бройи более чем прав, замечая, что «национализм нуждается в ясном определении»²⁰.

²⁰ Бройи 2002: 230.

Редукция фокуса к политической составляющей национализма, к его ипостаси как идеологии не так проста: «на фоне колоссального влияния, оказанного национализмом на современный мир, убогость благовидной теории национализма прямо-таки бросается в глаза»²¹. Эрнест Геллнер обошел эту проблему, квалифицировав национализм как «политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать»²². Данная дефиниция отсылает нас к центральной идее Геллнера, согласно которой политическая национальная единица (а политическое — главенствующий критерий для нации) в принципе создается национализмом: «именно национализм порождает нации, а не наоборот»²³. С этой трактовкой национализма полностью согласен Эрик Хобсбаум, хотя он и использует ее для иных, нежели Геллнер, выводов²⁴.

²¹ Андерсон 2001: 28.

²² Геллнер 1991: 23.

²³ Там же: 127.

²⁴ Хобсбаум 1998: 18.

Очевидно, что подобный инструменталистский подход к концепту (процесс нациестроительства с помощью национализма) игнорирует наличие уже сплотившихся и устоявшихся обществ, которые негативно воспринимают иные общественные формы (будь то меньшинства, другие нации или государственные образования) и их ценности. Тем не менее геллнеровский тезис о превращении культур в нации посредством национализма важен как констатация того, что национализм не имеет устойчивых идеологических основ — он отталкивается от ценностей, значимых для конкретного сообщества. При всем том построениям Геллнера присущ серьезный концептуальный изъян, ведь в соответствии с ними национализм изначально не опирается на некую идентичность, а создает новую. Как раз наоборот — национализм базируется на уже существующих (хотя и разных) ценностях, прежде всего культурных, и дополнительно скрепляет общность политической идентичностью.

Вследствие этого большинство синтетических концепций национализма исходят из того, что общность, обладающая рядом коллективных свойств, таких как язык, религия или этничность, является особым политическим актором. А раз так, то концептуальное измерение национализма как идеологии предполагает некие условия (и объективного, и субъективного плана), благодаря которым та или иная общность,

имеющая внутренние социокультурные связи, становится политическим субъектом. По мнению Мирослава Хроха, в роли связующих элементов выступают ценности: национализм — это «мировоззрение, придающее национальным ценностям абсолютный приоритет над остальными ценностями и интересами»²⁵. Обращение к ценностям лишь подтверждает важность ипостаси национализма как идеологии.

²⁵ Hroch 1993: 6.

²⁶ См. Maxwell 2010.

²⁷ См. Kohn 1969.

²⁸ Смит 2004: 236—240.

²⁹ См. Гринфельд 2008.

³⁰ Брубейкер 2012: 261.

³¹ См. Meinecke 1922.

³² Тишков, Шабаетов 2011: 94—130.

Уточнение этой грани национализма связано с его типологизацией. Одной из самых популярных и авторитетных²⁶ считается дихотомия Ханса Кона «гражданский — этнический национализм»²⁷. Гражданский национализм видит главную цель общности в интеграции на базе политической идентичности ради создания национального государства. Этнический национализм постулирует превосходство некой общности над другими, делая ставку на реализацию ее целей за счет подавления других. Однако такое деление национализма не является общепризнанным. Аргументы против него выдвигает, в частности, Энтони Смит, отмечая, что у Хобсбаума не очень-то получилось развести этнолингвистический и гражданско-политический виды национализма²⁸. Об уникальности национализмов, не позволяющей выстроить устойчивую типологию, и важности фиксации признаков каждого из них пишет Лия Гринфельд²⁹. Роджерс Брубейкер возвращается к дихотомии Кона, но указывает, что практичнее разграничить толкования нации, присущие соответствующей идеологии, подразделив их на государственно-фреймированные и контргосударственные³⁰. Эти толкования концептуально близки понятиям *Staatsnation* и *Kulturnation* Фридриха Майнеке³¹. Относительно *Staatsnation* сложно сказать, значима ли вообще изначальная идентичность для идеологии, которая сплачивает подобную нацию. К тому же этой идеологией может быть и не национализм, а, например, этатизм. Некоторые исследователи вообще не выделяют роль идеологии в процессе нациестроительства данного типа, обозначая его как «огосударствление нации»³². А сам этот процесс с очевидным актором — интегратором нации становится все менее интересным и актуальным: государство как таковое постепенно утрачивает ценность, она переходит к отдельным его функциям, которые, кстати сказать, способны выполнять уже не только государство, но и иные акторы.

Концепции глобализации

Несмотря на относительно недолгую историю изучения глобализации, среди исследователей сложились разные подходы к обоснованию ее источников и путей развития, а также к объяснению ее смысла. В итоге при выделении отдельных школ теоретического осмысления данного феномена решающее значение имели скорее концептуальные расхождения, нежели идеологические разногласия.

«Гиперглобалисты» трактуют глобализацию как совокупность процессов, в которых национальные государства вплетаются в паутину транснациональных акторов, подчиняясь их властным возможностям, ориентациям и идентичности³³. Согласно их представлениям, по мере

³³ Бек 2001: 26.

набирающей обороты глобализации национальные государства стремительно теряют силу и скоро совсем исчезнут. Причины этого кроются прежде всего в трансформации рынка, где государства утратили не только лидирующие позиции, но и свою состоятельность как акторов: «национальное государство стало неестественной, даже невозможной бизнес-единицей в мировой экономике»³⁴. Вслед за экономикой на глобальный уровень выходит и гражданское общество, что постепенно уменьшает роль национальных структур и разрушает прежние иерархии. Это ведет к формированию новой глобальной цивилизации, и единственной преградой на пути к ее становлению является отсутствие всемирного правительства.

³⁴ *Ohmae 1995: 5.*

Что касается основ новой глобальной цивилизации, то по этому вопросу мнения «гиперглобалистов» расходятся. Сюзан Стрейндж и другие неолибералы полагают, что она будет строиться на принципах рыночной конкуренции, независимости акторов и дальнейшего распространения либеральной демократии: если «государства когда-то были хозяевами рынков, то сейчас сами рынки по многим важным вопросам стали хозяевами над правительствами государств»³⁵. В свою очередь, неомарксисты опасаются, что такая цивилизация окажется хотя и глобальной, но не совсем новой — она будет торжеством и диктатурой глобального капитала³⁶.

³⁵ *Strange 1996: 4. См. также Ohmae 1995.*

³⁶ *См. Greider 1997.*

В противовес «гиперглобалистам» «трансформисты» видят в глобализации тенденцию, направленную на достижение единства человечества через растущую взаимосвязь и взаимодействие многообразия стран, культур и государств в экономической, политической, культурной, технологической и иных сферах³⁷. В рамках подобного рода миросистемы разделение на Север и Юг, центр и периферию, «первый» и иные миры если и сохранится, то утратит географическую привязку. Обосновывая эту точку зрения, Мануэль Кастельс и Джон Рагги ссылаются на опыт развития экономической и финансовой систем: образуется экономическое глобальное пространство, которое выходит за пределы государственных границ³⁸. Другими словами, глобализация ведет — и уже привела — к изменению принципов национального государства: связь между территориальностью, суверенностью и государственным регулированием далеко не столь очевидна, как прежде³⁹. Тем не менее это означает не конец и даже не ослабление национального государства, а лишь изменение его роли в мировых процессах. Глобализация бросает национальным правительствам новый вызов, который способствует модификации властных отношений и институтов управления⁴⁰.

³⁷ *См. Wallerstein 2000; 2001.*

³⁸ *См. Castells 1996; Ruggie 1996.*

³⁹ *См. Ruggie 1993.*

⁴⁰ *См. Rosenau 1997.*

Наконец, согласно установкам сторонников «скептического» направления, в основе глобализации лежит не столько процесс интеграции в новый мировой порядок, сколько воспроизводство гегемонизма ведущих держав в более широких масштабах. Если раньше для поддержания своего влияния таким державам приходилось использовать собственную военную и экономическую мощь, то теперь в их интересах действуют транснациональные корпорации, контролирующие глобаль-

⁴¹ См. Ruigrok, Tulder 1995; Thompson, Allen 1997.

⁴² Хелд и др. 2004: 408—424.

⁴³ См. Weiss 1998.

ную экономику⁴¹. Более того, это влияние поддерживается через культурную сферу, где во многом доминирует медиа-индустрия «глобального Севера»⁴². Иначе говоря, «скептики» сомневаются в реальной интеграции мира: с их точки зрения, глобализация усиливает экономику ведущих держав, создавая вокруг них новые зоны влияния⁴³.

Суммируя вышесказанное, можно констатировать, что все концепции глобализации сходятся в том, что она представляет собой процесс формирования, утверждения и развития некоего нового общего мирового порядка. Большинство их сторонников признают также важность (зачастую даже первичность) экономического аспекта интеграции. Различия заключаются прежде всего в трактовке (1) характеристик нового порядка, (2) роли в нем национальных государств и (3) изменений в других, неэкономических, сферах. Поскольку национализм имеет прямое отношение к ценностям обществ и наций, связанных с национальными государствами, стоит рассмотреть соотношение концептов в разных теориях.

Столкновение концепций

Глобальная экономика — демократия — национальное государство. Признание важности экономической составляющей интеграции теоретиками всех рассмотренных выше школ едва ли случайно. Более того, как справедливо отмечает Ульрих Бек, подобная установка характерна не только для исследователей соответствующих процессов: «в общественном дискурсе термин „глобализация“ в основном понимается как экономическая глобализация»⁴⁴. Вне зависимости от способностей и возможностей национальных государств создание глобальных рынков, деятельность транснациональных корпораций, осуществление трансакций в киберпространстве и т.п. требуют глобального регулирования. Главная сложность здесь связана с акторами глобального рынка: они располагаются на разных уровнях и ориентируются на разные нормы. Даже при наличии в каком-то сегменте правил глобального управления многие акторы вынуждены учитывать национальные законы. Дэни Родрик видит в этом серьезную проблему, считая, что в определенный момент государство становится преградой на пути создания глобальных рынков⁴⁵. По его мнению, логика развития глобальных рынков в принципе подразумевает вытеснение национальных правительств из сферы глобального экономического регулирования. Однако экономическая самостоятельность важна для национального самоопределения, особенно учитывая значимость демократических процедур для становления нации: в развитии экономики общество вправе ориентироваться на собственные интересы, предпочтения и методы регулирования без оглядки на глобальную конъюнктуру. В итоге Родрик приходит к заключению, что невозможно одновременно продвигать глобализацию, развивать демократию и поддерживать национальное самоопределение — постановка каждой из этих задач ставит под вопрос решение двух других⁴⁶. Единственный способ обеспечить решение всех

⁴⁴ Бек 2008: 12.

⁴⁵ См. Родрик 2014: 53—71.

⁴⁶ Там же: 406—418.

трех одновременно — это тот, о котором говорят «гиперглобалисты», то есть создание глобального политического сообщества (как обладателя политической воли для регулирования экономической сферы). Но это противоречит установкам *Staatsnation*, высшей ценностью для которой является национальное государство, ибо именно оно и сплотило ее (с помощью гражданского национализма).

Вестернизация и цивилизационный национализм. Как уже упоминалось, «скептическая» концепция глобализации тоже подразумевает движение к глобальному рынку и его регулированию. Однако она позволяет переместить фокус на других акторов этого процесса — транснациональные компании. По мнению теоретиков этого направления, транснациональные корпорации не только представляют интересы «глобального Севера», но и используют условно «западные» бизнес-стратегии. В каком-то смысле можно говорить даже об обратной логике: современное понимание бизнеса является «западным» или основывается на «западном» мировоззрении (как с точки зрения правил ведения дел, которые сами считаются ценностями, так и в плане поддержки определенных стереотипов в маркетинговых целях). Зачастую постулируется, что глобальный бизнес в принципе развивается в собственных институциональных рамках, а местные нормы суть либо условия, к которым просто нужно приспособиться, либо практики, которые следует институционализировать, придав им универсальную форму⁴⁷.

⁴⁷ Хелд и др. 2004: 303—334.

Поскольку транснациональные компании играют важную роль в становлении постиндустриального общества (прямые инвестиции, новые технологии, благотворительность и т.п.), государству выгодно привлекать их на свой внутренний рынок. Но вместе с капиталами и технологиями транснациональные компании привносят и собственные ценности — хотя бы потому, что им нужно рекрутировать сотрудников в свои местные отделения, вести дела с партнерами, выстраивать отношения с местными элитами. Поэтому заинтересованность транснациональных компаний в распространении «западных» ценностей носит вполне меркантильный характер. А так как эти ценности маркируются как «западные», распространенным приемом становятся ссылки на их ангажированность: подобного рода процессы называют вестернизацией, американизацией⁴⁸, макдональдизацией⁴⁹ (у Бенджамина Барбера это целый «макмир»⁵⁰).

⁴⁸ «Клеймо „Сделано в США“ четко и неотвратимо проступает на глобализации. И эта глобализация как национальная доктрина мирового гегемона в конечном счете отражает и выражает свое национальное происхождение» (Бжезинский 2005: 196).

⁴⁹ См. Ritzer 2012.

⁵⁰ См. Barber 2011.

⁵¹ См. Хардт, Негри 2004.

По мнению современных левых теоретиков, именно в этом и заключается суть новой гегемонии капитала как обобщенного источника навязываемых представлений об идеальном (и отчуждения индивидуальных ценностей). Место империи как формы политической гегемонии занимает глобальная империя капитала⁵¹, что разрешает противоречие между «гиперглобалистами» и «скептиками». В создании глобального правительства, как и в государственном суверенитете, нет необходимости: реальная власть осуществляется через треть

⁵² Льюкс 2010: 41—59, 179—215.

⁵³ Хардт, Негри 2004: 338—339.

⁵⁴ Barber 1992: 61.

⁵⁵ Гудков 2004: 777.

⁵⁶ Подробнее об этом см. Мусихин 2013.

⁵⁷ Calhoun 1997: 18—20.

ее «измерение»⁵². Всеобщий интеллект и биовласть заново формируют «силы науки, знания, аффекта и коммуникации»⁵³, так что это уже не навязывание известных ценностей, а обоснование (наукой и знанием) и представление (средствами коммуникации) приоритетности и аффективной притягательности ценностей, идеалов и стереотипов.

Такая трактовка концепта *de facto* постулирует противостояние и столкновение цивилизаций: подобно тому, как это было во время колонизации XV—XVIII вв., глобальный Запад навязывает свои ценности и идеалы всему остальному миру. В ответ на это принимающие общества проявляют «цивилизационный национализм» или возвращаются к донациональным формам идентичности — фундаментализму, трайбализму, «джихаду» (по Барберу, приводящему к «крушению гражданственности во имя идентичности»⁵⁴). Концептуальная натяжка здесь проявляется не только в том, что противопоставление заложено изначально: некий внешний актор привносит нечто новое, так как считает, что имеющееся хуже (или его нет). Не менее показательны, что прагматично привносятся не только стереотипы, направленные на формирование необходимых Западу предпочтений (гендерных установок, идеалов комфорта и т.п.), но и ценности (важность транспарентности, открытости «правил игры», безусловность коммуникации и проч.). В связи с этим альтернативные социологические концепции отказываются от выделения цивилизационных, традиционных, западных и аналогичных им категорий ценностей. Например, в соответствии с подходом, связанным с именем Рональда Инглхарта, ценности различаются по своей ориентации на индивидуальное или групповое (самовыражение и выживание) и степени рациональности (рационально-секулярное и традиционное), а все попытки разграничить некие западные и восточные ценности строятся на идеологической установке либо на иллюзии⁵⁵.

Глобализм и национализм. Существует трактовка, отталкивающаяся от категории национализма и рассматривающая под этим углом зрения ряд аспектов глобализации. Она касается состояния идеологий в глобализирующемся мире. Не вдаваясь в детали изменений, происходящих в последние годы с классическими идеологиями⁵⁶, отмечу, что применительно к национализму они связаны прежде всего со снижением актуальности его ценностей. Поэтому основой витальности современного национализма становится паразитирование на ценностях других идеологий: либеральные, консервативные, коммунистические ценности есть у любого общества. По заключению Крейга Калхуна, национализм превратился в некий общий эссенциалистский принцип, вдохнувший новую жизнь в ценности классических идеологий⁵⁷. С одной стороны, у каждой нации эти ценности приобретают свою уникальную окраску, с другой — все они апеллируют к благу конкретной нации (даже коммунизм, отказавшийся от идеи «мировой революции»). Тонкость лишь в том, что национализм зачастую подразумевает скорее конкретное

государство, чем конкретную культуру, тем самым рискуя уподобиться этатизму или патриотизму.

⁵⁸ Steger 2009: 60—95.

В свою очередь глобализация концентрирует внимание не на государстве, а как раз на обществе, признавая при этом значимость ряда идеологических ценностей. В связи с этим, как утверждает Манфред Стигер, с 1990-х годов в глобализации, наряду с прагматическим обоснованием необходимости глобального рынка, стал заметен ценностный аспект (рынок — благо, движение к нему — добродетель и т.п.)⁵⁸. Эти идеи оказались более гибкими по сравнению с их редакциями в различных течениях неолиберализма: по крайней мере, их не нужно было увязывать с развитием демократии в национальном государстве. В результате, согласно Стигеру, в настоящее время уже можно говорить о полноценной идеологии глобализма, постулирующей необходимость глобальной интеграции рынков, неизбежность и необратимость глобальных процессов, независимость их протекания, безусловную пользу глобализации и проч. В соответствии с этой идеологией, глобализация способствует распространению демократии в мире и считает главным препятствием на своем пути терроризм, с которым предлагает бескомпромиссно бороться⁵⁹.

⁵⁹ Steger 2013: 224.

Таким образом, столкновение концептов в данном случае проявляется в виде конкуренции на ценностном поле идеологии. Несмотря на то что глобализм претендует прежде всего на монополизацию либеральных ценностей (с их последующей радикализацией), он явно выигрывает за счет ориентации на более широкий общественный пласт, не ограниченный национальными или государственными рамками.

Глобальная и национальная демократии. Наконец, столкновение концептов может быть обозначено как имплицитное и незначимое: и национализм, и глобализация способствуют развитию демократии, максимальному проявлению национальным суверенитетом своего *modus vivendi*. При этом конкуренция вроде той, которая возможна на уровне идеологий, отсутствует: национализм исходит из того, что демократия — обязательное условие самореализации нации; поэтому его главным принципом оказывается совмещение национальных и государственных границ для обеспечения в рамках государства национальной демократии (ибо иной быть не может). Иными словами, национализм и глобализация выступают здесь в качестве разных способов развития нации и достижения разных демократий — национальной или космополитической («путь от национального государства к космополитической демократии лежит через глобализацию»⁶⁰).

⁶⁰ Мусихин 2008: 42.

Подобная трактовка выглядит наиболее полезной, однако она, во-первых, сталкивает не интересующие нас концепты, но разные формы демократии, фиксируя оставшийся незаполненным пробел, связанный с иллюзорностью национального суверенитета, а во-вторых, подводит к критике понятия национального государства.

**Концептуальное
переосмысление**

⁶¹ См. *Osterhammel 2013.*

⁶² *Мусихин 2008: 34.*

⁶³ Ср. *Хобсбаум 1998; Андерсон 2001; Смит 2004.*

⁶⁴ *Sassen 2006: 1.*

⁶⁵ *Бек 2008: 34.*

⁶⁶ *Там же: 47—49.*

Судя по всему, описанное выше соотношение теоретических концептов продиктовано тем, что государства-нации возникли раньше глобализационных процессов⁶¹. Отсюда — необходимость обращения к тем изменениям, которые привнесла глобализация в национальные государства, или к тому, чем вторые ответили на вызовы первой. Но такие рассуждения базируются на как минимум двух допущениях: 1) некритичном отношении к категории национального государства, 2) признании однозначной концептуальной связи национального государства с нацией. Даже если предположить, что в большинстве исследований эти допущения не артикулируются только потому, что подразумеваются, они все равно остаются спорными. В частности, они не согласуются с тем, что концептуализация понятия «национализм» касается и понятия «нация»: «понятие нации как политического образования было выведено за рамки „пристрастного“ анализа, и народный суверенитет и национальное государство остались неделимой парной категорией политической теории»⁶².

Начиная с классиков теории нации, не затихают дискуссии о природе наций, об основах, на которых они складываются⁶³. Вместе с тем считается почти бесспорным, что главной целью наций, означающей реализацию ими своего потенциала, является образование собственного национального государства как «наиболее комплексной институциональной архитектуры»⁶⁴. Эта установка характерна не только для политической, но и для научной риторики; именно ее Бек называет методологическим национализмом. Последний предполагает уверенность в естественности национального общества и национального государства как социальной и политической форм современного мира. Разделение человечества на некое ограниченное число наций видится естественным: изнутри оно организуется как национальные государства, которые через установление внешних границ отличают себя друг от друга⁶⁵. Последовательным критиком данных представлений выступает космополитическая теория, в соответствии с которой вместо международного, интернационального взаимодействия (суть которого — отношения государств-наций) следует вести речь об обществах, об общесоциальном, общекультурном, общечеловеческом⁶⁶. Но и такая критика либо разводит национальное и общесоциальное, либо опять же постулирует уникальную «миссию» уникального политического сообщества. Так или иначе, логическая рамка всех вышеперечисленных концепций такова: приобретая политическую идентичность, сообщество становится нацией; нация стремится реализовать свой потенциал — обособиться в виде национального государства; в мире национальных государств начинаются глобализационные процессы, которые размывают изначальные основы идентичности.

Оспаривая подобную трактовку, Калхун справедливо заметил: «нет необходимости приходить к выводу, что глобализация пагубно влияет на национальное государство, чтобы увидеть <...> способы, в которых транснациональные организации и связи могут работать для

⁶⁷ Calhoun 2007: 108.

расширения возможностей <...> иного „группизма“»⁶⁷. При этом в актуальной дискуссии все большее распространение получает точка зрения, что политические институты суть лишь средство сохранения культурной составляющей национального сообщества. Более того, излишняя субъектность государства, его централизация как бюрократического аппарата представляют угрозу для политических сообществ, которые по большей части (вопреки приверженцам инструментального подхода Геллнера) формируются в спонтанном порядке⁶⁸.

⁶⁸ Hutchinson 2013: 84.

В результате мне кажется оправданным выдвижение следующих двух тезисов:

- 1) конечной целью развития нациями своего потенциала совершенно не обязательно является национальное государство;
- 2) даже если целью является именно оно, смысловое наполнение национального государства не задано изначально, а определяется самой нацией.

Раскрытие второго тезиса способствует наблюдению, что в современном понимании национальное государство (national state) перестало быть тождественным нации-государству (nation-state). Позиционирование нации-государства в качестве уникальной суверенной единицы мировой политики осталось не более чем допущением исследователей международных отношений. «Размывание» государственного суверенитета и утрата государством монополии на выполнение целого ряда функций позволяет говорить о все меньшей функциональности категории «нация-государство». В самом деле, даже такие вроде бы безусловные функции государства, как обеспечение внешней безопасности и представительство интересов граждан на международной арене, могут выполняться частными военными компаниями и крупными работодателями (например, транснациональными корпорациями) соответственно. В связи с этим утверждать, что нации непременно видят свою цель в создании *nation-state*, означает лишать современные политические сообщества права самостоятельно решать, для чего им необходимо *national state* (возможно, это просто тяга к территориальности⁶⁹).

⁶⁹ См. Filippov 2014: 15.

Первый тезис связан с теориями, согласно которым ядром наций остается культурная идентичность и ее сохранение — их главный мотив. Ведь даже если раньше для решения этой задачи необходимо было национальное государство, то не факт, что при переходе к глобальному миру данная зависимость продолжает действовать. Хрох строит на этом концепцию негосударственного национализма. По его заключению, политические сообщества стремятся к (1) выделению национальной культуры, (2) политической автономии, (3) полноценной внутренней структуре общества⁷⁰. Но подобного рода цели требуют культурного национализма, а не гражданского или этнического. В условиях глобализации эти цели можно уточнить: нации как развитая форма культурных сообществ стремятся к развитию через продвижение своих культурных ценностей на глобальный уровень.

⁷⁰ См. Hroch 1985.

Таким образом, глобализация оборачивается двумя типами процессов. С одной стороны, это интеграция мира на основе решения

⁷¹ См. Saul 2005.

общих проблем. Развитие наций проявляется в предложении и реализации собственного варианта решения. Джон Сол полагает, что импульс к учреждению международных норм права, борьбе с эпидемиями, запрету противопехотных мин и решению ряда иных проблем был получен именно от конкретных наций⁷¹. С другой стороны, каждая нация обладает культурным потенциалом, который воплощается в материальные и культурные артефакты. Наиболее ценные из них имеют тенденцию выходить за рамки одной нации и, проникая в другие, укореняться на межнациональном уровне. Подобный обмен ценностями не только способствует развитию наций, но и запускает процесс интернационализации, который, в свою очередь, порождает глобализацию. Выстраивается следующая логическая цепочка: культурное сообщество производит некую ценность, которая становится предметом межнациональной коммуникации, происходит интернационализация этой ценности, что влияет на процесс глобализации. Глобализация же дает толчок другим сообществам (буквально бросает вызов), побуждая их к созданию новых интернациональных ценностей⁷².

⁷² Минацкая 2008: 48.

Заключение

Позиционирование глобализации как процесса всемирной интеграции, при котором образуются новые формы рыночного взаимодействия, продиктованные глобальным капиталом, либо крупными корпорациями «западного» модуса ведения бизнеса, либо ведущими экономическими державами мира, а национализма — как идеологии продвижения интересов нации, связанного с построением традиционного национального государства, ведет к заведомому противопоставлению концептов (что не решает проблему, но создает новые), а также к некритичному взгляду на экономическую природу глобализации и на стремление наций превратиться в нации-государства.

В обыденном восприятии глобализация предстает как нечто неизбежное, негативное и имеющее явного адресанта. То же справедливо и для национализма: он трактуется как негативная ответная реакция обществ на глобализационные процессы. К сожалению, теоретическое осмысление с позиций известных научных школ недалеко отходит от обыденного восприятия: противоречие остается, но обретает запутанные концептуальные очертания. Между тем переосмысление концепта национализма влечет за собой переосмысление связи нации с национальным государством, понимания национального государства и интересов наций.

⁷³ Vincent 2013: 460—461.

Определение национализма как ограничивающей, интровертивной идеологии слишком наивно, чтобы служить постижению современных политических и глобальных процессов⁷³. Все идеологические компоненты, постулирующие превосходство одной общности над другими, легко умещаются в рамки шовинизма. Нации и национализм в принципе лишены идеологической нагруженности *per se*, они получили ее вследствие длительных процессов осмысления. Концептуальная суть наций заключается в развитии их потенциала и его реализации.

⁷⁴ Бек 2008: 92—93.

И на это направлен не только космополитизм (который заинтересован в развитии общего культурного потенциала)⁷⁴, но и национализм. Таким образом, переосмысление концепта национализма на фоне развития концепта глобализации ведет к пониманию национализма как *целостной системы ценностей* (не обязательно идеологии), *направленной на выражение и реализацию значимого для нации потенциала в некоей политической форме.*

Библиография

- Андерсон Б. 2001. *Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма.* — М.
- Бек У. 2001. *Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию.* — М.
- Бек У. 2008. *Космополитическое мировоззрение.* — М.
- Бжезинский З. 2005. *Выбор: Глобальное господство или глобальное лидерство.* — М.
- Бройн Дж. 2002. Подходы к исследованию национализма // Андерсон Б., Бауэр О., Хрох М. и др. *Нации и национализм.* — М.
- Брубейкер Р. 2012. *Этничность без групп.* — М.
- Геллнер Э. 1991. *Нации и национализм.* — М.
- Гранин Ю.Д. 2011. *Глобализация и национализм: история и современность. Социально-философский анализ.* — Saarbrücken.
- Гринфельд Л. 2008. *Национализм: Пять путей к современности.* — М.
- Гудков Л. 2004. *Негативная идентичность: Статьи 1997—2002 годов.* — М.
- Льюкс С. 2011. *Власть: Радикальный взгляд.* — М.
- Мнацаканян М.О. 2008. *Национализм и глобализм: Национальная жизнь в современном мире.* — М.
- Мусихин Г.И. 2008. Концептуальные изъяны демократии как проблема глобализации // *Полития.* № 2.
- Мусихин Г.И. 2013. *Очерки по теории идеологий.* — М.
- Родрик Д. 2014. *Парадокс глобализации: Демократия и будущее мировой экономики.* — М.
- Смит Э.Д. 2004. *Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма.* — М.
- Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. 2011. *Этнополитология: Политические функции этничности.* — М.
- Тойнби А.Дж. 2010. *Постижение истории: Избранное.* — М.
- Хантингтон С. 2003. *Столкновение цивилизаций.* — М.
- Хардт М., Негри А. 2004. *Империя.* — М.
- Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. 2004. *Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура.* — М.
- Хобсбаум Э. 1998. *Нации и национализм после 1780 года.* — СПб.
- Barber B.R. 1992. Jihad vs. McWorld // *The Atlantic.* Vol. 269. № 3.

- Bartelson J.** 2000. Three Concepts of Globalization // *International Sociology*. Vol. 15. № 2.
- Calhoun C.** 1997. *Nationalism*. — Minneapolis.
- Calhoun C.** 2007. *Nations Matter: Culture, History, and the Cosmopolitan Dream*. — L.
- Castells M.** 2010. *The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture*. — West Sussex.
- Dryzek J.S., Honig B., Phillips A.** 2008. Introduction // Dryzek J.S., Honig B., Phillips A. (eds.) *The Oxford Handbook of Political Theory*. — Oxford.
- Ellis J.M.** 1990. *Against Deconstruction*. — Princeton.
- Filippov A.F.** 2014. Political Nation and Spatial Order: Towards a New Recombination of the Old Concepts // *Russian Sociological Review*. Vol. 13. № 4.
- Greider W.** 1997. *One World, Ready or Not: The Manic Logic of Global Capitalism*. — N.Y.
- Hroch M.** 1985. *Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations*. — Cambridge.
- Hroch M.** 1993. From National Movement to the Fully-formed Nation the Nation-building Process in Europe // *New Left Review*. № 198.
- Hutchinson J.** 2013. Cultural Nationalism // Breuilly J. (ed.) *The Oxford Handbook of the History of Nationalism*. — Oxford.
- Kirby A.** 2009. *Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture*. — L.
- Kohn H.** 1969. *The Idea of Nationalism: A Study in Its Origins and Background*. — Toronto.
- Maxwell A.** 2010. Typologies and Phases in Nationalism Studies: Hroch's A-B-C Schema as a Basis for Comparative Terminology // *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*. Vol. 38. № 6.
- Ohmae K.** 1995. *The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies*. — N.Y.
- Osterhammel J.** 2013. Nationalism and Globalization // Breuilly J. (ed.) *The Oxford Handbook of the History of Nationalism*. — Oxford.
- Ritzer G.** 2012. *The McDonaldization of Society*. — Thousand Oaks.
- Rosenau J.N.** 1997. *Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World*. — Cambridge.
- Rosenau P.** 1991. *Post-Modernism and the Social Sciences*. — Princeton.
- Ruggie J.G.** 1993. Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations // *International Organization*. Vol. 47. № 1.
- Ruggie J.G.** 1996. *Winning the Peace: America and World Order in the New Era*. — N.Y.
- Ruigrok W., Tulder R. van.** 1995. *The Logic of International Restructuring: The Management of Dependencies in Rival Industrial Complexes*. — L.

Samuels R. 2010. *New Media, Cultural Studies, and Critical Theory after Postmodernism: Automodernity from Zizek to Laclau*. — N.Y.

Sassen S. 2006. *Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages*. — Princeton.

Saul J.R. 2005. *The Collapse of Globalism: And the Reinvention of the World*. — Toronto.

Steger M.B. 2009. *Globalisms: The Great Ideological Struggle of the Twenty-First Century*. — Lanham.

Steger M.B. 2013. Political Ideologies in the Age of Globalization // Freedon M., Stears M. (eds.) *The Oxford Handbook of Political Ideologies*. — Oxford.

Strange S. 1996. *The Retreat of the State: The Diffusion of Power in the World Economy*. — Cambridge.

Thompson G., Allen J. 1997. Think Global, then Think Again — Economic Globalization in Context // *Area*. Vol. 29. № 3.

Vincent A. 2013. Nationalism // Freedon M., Stears M. (eds.) *The Oxford Handbook of Political Ideologies*. — Oxford.

Wallerstein I. 2000. Globalization or the Age of Transition? A Long-term View on the Trajectory of the World-system // *International Sociology*. Vol. 15. № 2.

Wallerstein I. 2001. *The End of the World As We Know It: Social Science for the Twenty-First Century*. — Minneapolis.

Weiss L. 1998. *The Myth of the Powerless State: Governing the Economy in a Global Era*. — Ithaca.

Meinecke F. 1922. *Weltbürgertum und Nationalstaat: Studien zur Genesis des deutschen Nationalstaates*. — München, Berlin.

Wittgenstein L. 1984. *Philosophische Grammatik*. — Frankfurt a. M.

References

Anderson B. 2001. *Vobrazhaemye soobshhestva: Razmyshlenija ob istokakh i rasprostranении nacionalizma*. — M.

Barber B.R. 1992. Jihad vs. McWorld // *The Atlantic*. Vol. 269. № 3.

Bartelson J. 2000. Three Concepts of Globalization // *International Sociology*. Vol. 15. № 2.

Beck U. 2001. *Chto takoe globalizacija? Oshibki globalizma — otvety na globalizaciju*. — M.

Beck U. 2008. *Kosmopoliticheskoe mirovozzrenie*. — M.

Breuilly J. 2002. Podkhody k issledovaniju nacionalizma // Anderson B., Bauer O., Hroch M. et al. *Nacii i nacionalizm*. — M.

Brubacker R. 2012. *Ehtrichnost' bez grupp*. — M.

Brzeziński Z. 2005. *Vybor: Global'noe gospodstvo ili global'noe liderstvo*. — M.

Calhoun C. 1997. *Nationalism*. — Minneapolis.

Calhoun C. 2007. *Nations Matter: Culture, History, and the Cosmopolitan Dream*. — L.

Castells M. 2010. *The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture*. — West Sussex.

- Dryzek J.S.**, Honig B., Phillips A. 2008. Introduction // Dryzek J.S., Honig B., Phillips A. (eds.) *The Oxford Handbook of Political Theory*. — Oxford.
- Ellis J.M.** 1990. *Against Deconstruction*. — Princeton.
- Filippov A.F.** 2014. Political Nation and Spatial Order: Towards a New Recombination of the Old Concepts // *Russian Sociological Review*. Vol. 13. № 4.
- Gellner E.** 1991. *Nacii i nacionalizm*. — M.
- Granin Yu.D.** 2011. *Globalizacija i nacionalizm: istorija i sovremenost'*. *Social'no-filosofskij analiz*. — Saarbrücken.
- Greenfeld L.** 2008. *Nacionalizm: Pjat' putej k sovremennosti*. — M.
- Greider W.** 1997. *One World, Ready or Not: The Manic Logic of Global Capitalism*. — N.Y.
- Gudkov L.** 2004. *Negativnaja identichnost': Stat'i 1997—2002 godov*. — M.
- Hardt M.**, Negri A. 2004. *Imperija*. — M.
- Held D.**, Goldblatt D., McGrew A., Perraton J. 2004. *Global'nye transformacii: Politika, ehkonomika, kul'tura*. — M.
- Hobsbawm E.** 1998. *Nacii i nacionalizm posle 1780 goda*. — SPb.
- Hroch M.** 1985. *Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations*. — Cambridge.
- Hroch M.** 1993. From National Movement to the Fully-formed Nation the Nation-building Process in Europe // *New Left Review*. № 198.
- Huntington S.** 2003. *Stolknovenie civilizacij*. — M.
- Hutchinson J.** 2013. Cultural Nationalism // Breuilly J. (ed.) *The Oxford Handbook of the History of Nationalism*. — Oxford.
- Kirby A.** 2009. *Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture*. — L.
- Kohn H.** 1969. *The Idea of Nationalism: A Study in Its Origins and Background*. — Toronto.
- Lukes S.** 2011. *Vlast': Radikal'nyj vzgljad*. — M.
- Maxwell A.** 2010. Typologies and Phases in Nationalism Studies: Hroch's A-B-C Schema as a Basis for Comparative Terminology // *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*. Vol. 38. № 6.
- Meinecke F.** 1922. *Weltbürgertum und Nationalstaat: Studien zur Genesis des deutschen Nationalstaates*. — München, Berlin.
- Mnacakanjan M.O.** 2008. *Nacionalizm i globalizm: Nacional'naja zhizn' v sovremenom mire*. — M.
- Musikhin G.I.** 2008. Konceptual'nye iz'jany demokratii kak problema globalizacii // *Politeia*. № 2.
- Musikhin G.I.** 2013. *Ocherki po teorii ideologij*. — M.
- Ohmae K.** 1995. *The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies*. — N.Y.
- Osterhammel J.** 2013. Nationalism and Globalization // Breuilly J. (ed.) *The Oxford Handbook of the History of Nationalism*. — Oxford.

- Ritzer** G. 2012. *The McDonaldization of Society*. — Thousand Oaks.
- Rodrik** D. 2014. *Paradoks globalizacii: Demokratija i budushhee mirovoj ekonomiki*. — M.
- Rosenau** J.N. 1997. *Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World*. — Cambridge.
- Rosenau** P. 1991. *Post-Modernism and the Social Sciences*. — Princeton.
- Ruggie** J.G. 1993. Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations // *International Organization*. Vol. 47. № 1.
- Ruggie** J.G. 1996. *Winning the Peace: America and World Order in the New Era*. — N.Y.
- Ruigrok** W., Tulder R. van. 1995. *The Logic of International Restructuring: The Management of Dependencies in Rival Industrial Complexes*. — L.
- Samuels** R. 2010. *New Media, Cultural Studies, and Critical Theory after Postmodernism: Automodernity from Zizek to Laclau*. — N.Y.
- Sassen** S. 2006. *Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages*. — Princeton.
- Saul** J.R. 2005. *The Collapse of Globalism: And the Reinvention of the World*. — Toronto.
- Smith** A.D. 2004. *Nacionalizm i modernizm: Kriticheskij obzor sovmennykh teorij nacij i nacionalizma*. — M.
- Steger** M.B. 2009. *Globalisms: The Great Ideological Struggle of the Twenty-First Century*. — Lanham.
- Steger** M.B. 2013. Political Ideologies in the Age of Globalization // Freedon M., Stears M. (eds.) *The Oxford Handbook of Political Ideologies*. — Oxford.
- Strange** S. 1996. *The Retreat of the State: The Diffusion of Power in the World Economy*. — Cambridge.
- Thompson** G., Allen J. 1997. Think Global, then Think Again — Economic Globalization in Context // *Area*. Vol. 29. № 3.
- Tishkov** V.A., Shabaev Yu.P. 2011. *Ehtnopolitologija: Politicheskie funkcii ehtnichnosti*. — M.
- Toynbee** A.J. 2010. *Postizhenie istorii: Izbrannoe*. — M.
- Vincent** A. 2013. Nationalism // Freedon M., Stears M. (eds.) *The Oxford Handbook of Political Ideologies*. — Oxford.
- Wallerstein** I. 2000. Globalization or the Age of Transition? A Long-term View on the Trajectory of the World-system // *International Sociology*. Vol. 15. № 2.
- Wallerstein** I. 2001. *The End of the World As We Know It: Social Science for the Twenty-First Century*. — Minneapolis.
- Weiss** L. 1998. *The Myth of the Powerless State: Governing the Economy in a Global Era*. — Ithaca.
- Wittgenstein** L. 1984. *Philosophische Grammatik*. — Frankfurt a. M.